

Родные языки и языки межнационального общения в России 1920-х годов (по Всесоюзной переписи населения 1926 года)

Кропачев С. А.

Центр изучения истории территории и населения России
Института российской истории РАН,
г. Москва
ректор@eipk.info

Аннотация

Статья посвящена анализу языкового разнообразия России 1920-х гг. Автор исследует проблемы национальных языков и языков межнационального общения. В результате процессов ассимиляции и этнической интеграции количество родных языков сокращалось в пользу языков «больших» народов, в частности, русского. Последний играл значимую роль в качестве языка межнационального общения и второго языка. В ряде полиэтничных регионов он является средством общения не только разных этносов, но и представителей одного народа, имеющего многочисленные диалекты и наречия, значительно отличающиеся друг от друга. В статье анализируются языковые особенности, прежде всего, многонациональных районов – Поволжья, Северного Кавказа, Севера европейской части, Сибири и Дальнего Востока. Родной язык («язык колыбели», «язык матери») является, наряду с национальным самосознанием, важнейшим признаком принадлежности к этносу. Сегодня в России созданы условия для возрождения, изучения и развития материнских языков. Даже малочисленные народы имеют возможность изучать родные языки, самобытную культуру, историю, обычаи, исповедовать традиционную религию.

Ключевые слова:

Россия, РСФСР, 1920-е гг., родные языки, языки межнационального общения

Владение родным языком является важнейшим признаком принадлежности к тому или иному этносу. В России 1920-х гг. проживало около 160 этносов [1, с. 54–116]. Языков существовало значительно меньше, около 120 [там же, с. 123]. Это объясняется рядом причин. В стране активно шли процессы ассимиляции и этнической интеграции в пользу русского этноса, культуры и языка. Некоторые «малые» народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока забывали родной язык и общались на русском языке или языках соседних, более многочисленных на-

Native languages and languages of interethnic communication in Russia in the 1920s (according to the All-Union Population Census of 1926)

Kropachev S. A.

Center for the Study of the History of the Territory and Population of Russia, Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow
ректор@eipk.info

Abstract

The paper deals with the analysis of linguistic diversity of Russia in the 1920s. The author explores the problems of national languages and languages of interethnic communication. As a result of the processes of assimilation and ethnic integration, the number of native languages decreased in favor of the languages of the “large” nations, in particular, Russian. The latter played a major role as a language of interethnic communication and a second language. In a number of multiethnic regions, it is a means of communication not only between different ethnic groups, but also between representatives of one nation, which has numerous dialects and idioms that differ significantly from each other. The paper analyzes the linguistic features, first of all, of multiethnic regions – the Volga region, the North Caucasus, the North of the European part, Siberia and the Far East. The native language (“language of the cradle”, “mother’s language”) is, along with national identity, the most important sign of belonging to an ethnic group. Today, conditions have been created in Russia for the revival, study and development of native languages. Even minorities have the opportunity to study their native languages, original culture, history, customs, and practice traditional religion.

Keywords:

Russia, RSFSR, 1920s, native languages, languages of interethnic communication

родов. Присутствуют в материалах Переписи населения 1926 г. языки, которые являлись производными, формальными от названий этносов. Хотя их не существовало в действительности. Например, нагайбакский язык. Нагайбаки разговаривают на говоре в составе среднего диалекта татарского языка. Еще один пример. В качестве самостоятельного в материалах Переписи 1926 г. приводится теленгетский язык. Но теленгеты (теленгиты) говорили на южном диалекте алтайского языка.

Сокращение количества языков по отношению к количеству этносов было не единственной особенностью языкового многообразия России в 1920-е гг. Длительное проживание различных этносов в условиях полиэтничности на одной территории диктовало необходимость владения двумя или более языками. Это относится, прежде всего, к приграничным территориям, когда за административной или государственной границей проживали родственники, знакомые, партнеры по торговым сделкам, знать язык которых было жизненной необходимостью. Были веские причины, по которым представители ряда этносов указывали в качестве родного язык другой национальности. Это относится, прежде всего, к некоренным народам России: полякам, евреям, чехам, словакам, латышам, литовцам, болгарам, финнам, грекам и др. Они приспособивались, адаптировались к той среде, в которой жили и работали. Хорошее знание, например, русского языка давало больше возможностей для получения среднего специального или высшего образования, устройства на квалифицированную работу, продвижения по карьерной лестнице и т. д. Но многие нетитульные народы не забывали свои этнические корни, изучали родные языки, культуру, поддерживали традиционную религию. Например, у российских немцев до 1970-х гг. существовала традиция домашнего образования и изучения родного языка. Вот почему в 1926 г. 95 % этнических немцев России (767 тыс.) в качестве родного указали язык своей национальности [2, с. 34, 35].

Тенденция указывать (считать) родным язык другой национальности, например русский, продолжилась в последующие годы. В 1937–1938 гг. НКВД СССР были проведены 11 национальных операций: «немецкая», «польская», «харбинская», «латышская», «греческая», «финская», «эстонская», «румынская», «иранская», «афганская», а также «смешанная» – по репрессированию агентов разведок Англии, Франции, Венгрии, США, Югославии, Болгарии и других стран [3, с. 5, 6]. Кроме того, в середине 1930-х гг. начинаются этнические упреждающие депортации, в ходе которых были насильственно переселены из приграничных районов финны, поляки, немцы, курды, иранцы. После присоединения к СССР Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины депортации по национальному и социальному признакам были продолжены. «Национальные операции» и этнические депортации были направлены против выходцев из тех стран, которые, по мнению сталинского руководства, составляли враждебное окружение по периметру границ СССР (Польша, Латвия, Эстония, Финляндия) или чьи метрополии представляли явную или скрытую угрозу (Германия, Корея, Греция, Иран, Афганистан, Япония («харбинцы»). В результате «национальных операций» и депортаций количество «подозрительных» народов сократилось. «Неправильная» национальность становилась основанием для подозрений и критерием преступности. Тем, кому удалось выжить, при любом удобном случае старались изменить соответствующую строку в паспорте. Полякам, например, спокойнее было жить и не опасаться за судьбу своих детей, если они

«становились» украинцами или белорусами и забывали свой родной язык. Такая «маскировка» после многих лет испытаний и невзгод, в условиях ассимиляции и этнической интеграции, укрепления русского языка в качестве языка межнационального общения, была естественной и достаточно частой.

Государствообразующей, основной национальностью в 1920-е гг. в России были русские. Их, по данным Переписи 1926 г., в республике проживало 74 072 096 чел., или 73,42 % от общего числа жителей [2, с. 2, 34]. Большинство русских (99,8 %) назвали родным язык своей национальности. Но были исключения. 10 5297 русских (0,14 %) указали другие языки в качестве родного. 39 241 чел. (0,05 %) свой родной язык не указали [там же, с. 34, 35]. Такие исключения были, видимо, связаны с интернациональными семьями, жизнью русских в условиях пограничья, частыми контактами с представителями других этносов, религиозными мотивами (субботники) и др.

Гораздо чаще встречалась обратная ситуация, когда граждане нерусской национальности указывали в качестве родного русский язык. Так, по Переписи 1926 г. в РСФСР был учтен 7 873 331 украинец, а родным языком украинский был только для 5 276 787 чел. Все остальные, около 2,6 млн (32,8 %), указали своим родным языком русский [там же, с. 34, 35]. Интересно, что языков других народов в качестве родного указано практически не было [4, с. 35].

Широко русский язык в качестве родного был распространен среди белоруссов (84 %), поляков (54,4), евреев, без горских, крымских, грузинских и среднеазиатских (50,3), греков (20 %) и некоторых других народов [там же, с. 34, 35]. Однако народы Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья, Севера указывали, за редким исключением, в качестве родного языки своей нации. Например, чеченцы (99,9 %), ингуши (99,8), аварцы (99,9), татары (99,4), якуты (99,9), буряты (98,6 %) [там же, с. 36–39]. Это говорит об устойчивом этническом самосознании ряда народов и национальных языках как важнейшей части самобытной этнической идентичности.

По нашим подсчетам, в Российской Федерации по Переписи 1926 г. проживало около 3900 тыс. граждан нетитульной национальности, которые указали в качестве родного русский язык [там же, с. 34–39].

В последующие годы тенденции увеличения русского этноса, русского языка в качестве родного для нерусского населения, доли присутствия русских во всех субъектах РСФСР и СССР продолжались. По Переписи населения 1939 г. в СССР проживало 170,5 млн чел., из которых 99,6 млн были русскими (58,39 %). Большинство из них (99,83 %) родным указали русский язык. Лишь 161 648 русских (0,16 %) в качестве родного назвали языки не своей национальности. Русский язык в качестве родного указали 106,4 млн жителей Советского Союза. Около 7 млн представителей других этносов считали русский своим родным языком. Большинство из них (81,35 %) были украинцами (3,4 млн), белоруссами (0,7) и евреями (1,6 млн) [4, с. 20, 80, 81].

На русском языке в 1920-е гг. говорили во всех субъектах Российской Федерации и Советского Союза. В РСФСР он был родным для 73,9 млн русских и 3,9 млн граждан других национальностей. То есть 77,8 млн жителей России (77,1 %) в эти годы считали русский своим родным языком [2, с. 34–39]. Для остальных (более 23 млн) он был языком межнационального общения. После родного им владели в качестве второго языка значительное количество жителей России. Конечно, были исключения. Они касались возрастных граждан отдаленных населенных пунктов (Северный Кавказ, районы Крайнего Севера и др.). В республиках Советского Союза русский язык активно использовался в Украине, Белоруссии, Молдавии, Казахстане, Киргизии. Последние две республики в качестве автономных до 1936 г. входили, как известно, в состав РСФСР.

После русского вторым самым распространенным языком на территории России являлся украинский язык. На нем говорило 5 276 787 украинцев, а также 80 068 граждан других национальностей, которые указали его в качестве родного. Всего – более 5,3 млн чел. [там же, с. 34, 35, 108]. Украинский язык использовался практически во всех 19 регионах, на которые была «разбита» страна в материалах Переписи 1926 г.: Северо-Кавказский, Центрально-Черноземный, Казахский (Казакский), Сибирский и др. Большая часть (97,2 %) из них проживала в сельской местности [там же, с. 108]. Самое большое количество носителей украинского языка (естественно, все они считались украинцами) проживало в Северо-Кавказском крае: в Армавирском, Донецком, Донском, Кубанском, Майкопском, Сальском, Ставропольском, Таганрогском, Терском, Черноморском, Шахтинско-Донецком округах, Кабардино-Балкарской и Адыгейско-Черкесской автономных областях. Такое количество украинцев объясняется, прежде всего, проводимой украинизацией [5, 6], которая активно затронула Северо-Кавказский край, в частности, Кубань и Дон. Значительное количество местных жителей механически записали в украинцы. Политику украинизации поддерживали руководители региональных партийных организаций, отсюда такой результат. Русские «превратились» в украинцев, а смесь южнорусских диалектов – в украинский язык. Через 12 лет, по Переписи населения 1939 г., количество украинцев сократилось во много раз, они снова стали русскими. Причины такой трансформации описаны в исторической литературе [7, с. 330; 8, с. 116–117]. По Переписи 1939 г., в Краснодарском крае, в том числе Адыгейской автономной области, проживало 149,8 тыс. (4,7 %), Орджоникидзевском (Ставропольском) крае, в том числе Карачаевской и Черкесской автономных областях – 46,5 тыс. (2,4 %), Ростовской области – 110,7 тыс. (3,8 %), Чечено-Ингушской АССР – 8,9 тыс. (1,3 %), Кабардино-Балкарской АССР – 11,1 тыс. (3,1 %) украинцев [4, с. 59, 60, 66, 68]. То есть 327,0 тыс. против 3 106, 8 тыс. в 1926 г. [2, с. 70]. Количество украинцев за 12 лет сократилось в девять раз.

Самое большое количество украинцев в 1926 г. проживало в Кубанском – 915,4 тыс. (61,5 % от общей численно-

сти населения), Донском – 498,3 (44,0), Донецком – 206,5 (55,1), Сальском 207,2 (43,9), Терском – 194,1 (30,2), Ставропольском – 245,7 (33,8), Таганрогском – 191,7 (71), и Черноморском – 103,9 тыс. (35,6 %) округах Северо-Кавказского края [там же, с. 10, 71, 72]. Они составляли 37,1 % от всех жителей, т. е. каждый третий был украинцем. В Кубанском, Донецком, Таганрогском и Черноморском округах они составляли большинство населения [там же, с. 71–73]. Украинский язык преобладал в Кубанском, Донском, Донецком и Сальском округах [там же, с. 108]. В 1920-е гг. он был востребован в Северо-Кавказском крае. Его преподавали в средних школах, в Полтавском педагогическом техникуме, на факультете украинского языка и литературы Краснодарского государственного педагогического института, других учебных заведениях. На украинском языке выходили газеты, книги, ставились спектакли. Это не было чем-то необычным для 1920-х гг. Не только русский, но и украинский, отчасти армянский [1, с. 119], были весьма популярны и являлись языками межнационального общения. Вторым крупным ареалом проживания украинцев и распространения украинского языка являлся Центрально-Черноземный район, в который входили: Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии [2, с. 6, 7]. В районе проживало 1651,8 тыс. украинцев, в основном, в приграничных Воронежской (1078,5 тыс.) и Курской (554,6 тыс.) губерниях [там же, с. 67]. Это составляло 15,3 % от числа жителей района и 26,3 % от количества населения Воронежской и Курской губерний [там же, с. 6, 7, 67]. На устойчивое распространение украинского языка в русско-украинском пограничье влияло отсутствие препятствий для контактов, так как административные границы были условными и не являлись ограничением для общения, наличие по обе стороны родственников, знакомых, партнеров, трудовые перемещения, создание новых семей и др. Определенное значение для распространения украинского языка имел обмен территориями в 1920-х гг. между РСФСР и УССР, которые затронули, в частности, Курскую и Брянскую губернии [9, с. 98–100].

Значительное количество украинцев проживало также в Казахской (Казахской) АССР – 860,8 тыс. (13,2 % от жителей республики) и Сибирском крае – 827,5 тыс. (9,5 %) [2, с. 74].

Украинцы продолжительное время были вторым по численности этносом в России, пока не уступили это место татарам. Взаимовлияние и взаимообогащение уникальных языков и культур народов в российском советском обществе было весьма велико. Это в полной мере относится к украинскому этносу.

Третий восточнославянский язык – белорусский – был не так распространен на территории России. Связано это прежде всего с тем, что большинство этнических белорусов родным языком считали русский. Из 637,6 тыс. чел. лишь 94,8 тыс. (14,9 %) назвали белорусский родным языком [там же, с. 34, 35]. Носители языка (куда входили белорусы и представители других этносов, которые назвали его родным) проживали в РСФСР дисперсно. И лишь в Сибирском крае фиксируется большая белорусская диаспора – 320,3 тыс. чел. [там же, с. 74]. Здесь

проживало около половины из всех носителей языка [там же, с. 34, 35, 108].

Таким образом восточнославянские языки были самыми массовыми в 1920-е гг. На русском разговаривали и считали родным 73,9 млн русских и 3,9 млн нерусских граждан (из них 3,1 млн украинцев и белорусов), на украинском – 5,3 млн украинцев и 0,08 млн не украинцев, на белорусском – 0,09 млн белорусов и 0,003 млн не белорусов. Всего – 83,3 млн чел., или 82,6 % от числа жителей РСФСР в середине 1920-х гг. [там же, с. 2, 34, 35, 108].

Третьим по распространенности, после русского и украинского, был татарский язык. Его считали родным 3,5 млн. чел. [там же, с. 114]. Татарский этнос в России также являлся третьим по численности, после русских и украинцев. В Поволжье татары занимали второе место после русских – 1,4 млн [там же, с. 69]. Их в 1926 г. в республике насчитывалось 2,8 млн. чел. [там же, с. 34]. Татарская этническая общность играла и играет огромную роль в жизни России. Это относится, в том числе, к ареалу проживания, наличию многочисленных субэтнических групп, влиянию татарской культуры и языка на другие, прежде всего, соседние народы. Этнос татар имеет многоярусную структуру, а диалекты и наречия татарского языка, на которых говорят представители локальных групп, отличаются друг от друга. В татарской этнической общности различают собственно татарский этнос и этнос крымских татар. Последние признаются самостоятельной крымскотатарской нацией, со своим крымскотатарским языком и самобытной культурой [10, с. 25]. Крымских татар в 1926 г. насчитывалось 179 тыс. чел. [11, с. 34]. Татарский этнос был сформирован из трех этнотерриториальных групп – волго-уральских, астраханских и сибирских татар. Они, в свою очередь, делились на многочисленные этнические подгруппы [10, с. 25–38]. Эти подгруппы во Всероссийской переписи населения 1926 г. были представлены как самостоятельные этносы. В последующие годы их включили в состав татар. Представители локальных групп говорили на диалектах и наречиях татарского языка, исповедовали, как и материнская нация, мусульманство суннитского толка. Это мишари (по Переписи 1926 г. их насчитывалось 242,6 тыс. чел.), бухарцы (12,0 тыс.), тептяри (27,4 тыс.). Исключением являются крещеные татары (кряшены). Их насчитывалось 101,4 тыс. чел. Говорили они на среднем диалекте татарского языка, компактно проживали в Татарской АССР и исповедовали православие. К ним примыкают нагайбаки (11,2 тыс.), проживавшие в Уральской области. Их с кряшенами объединяет одна вера и родственный язык. Некоторые исследователи считают нагайбаков самостоятельным этносом [1, с. 70, 71, 114, 115, 117].

Ареал проживания татар был очень широким. Они присутствовали практически во всех субъектах России. Больше всего татар проживало в Средне-Волжском, Уральском, Нижне-Волжском, Центрально-Промышленном, Вятском регионах, Башкирской, Казахской и Крымской АССР. Основная часть татар проживала в Татарской АССР, 1164 тыс. чел., что составляло 44,8 % от населения республики [11, с. 34]. Значительное их количество было

зафиксировано в Башкирии – 461,9 тыс., Самарской – 122,5, Саратовской – 115,3, Ульяновской – 39,2 тыс. губерниях [там же].

Широкое распространение имел татарский язык. Его в качестве родного назвали 658,2 тыс. граждан иных национальностей [2, с. 34, 114]. В этом отношении он был самым распространенным языком, после русского, среди народов России. На нем говорили субэтносы татар (мишари, бухарцы, тептяри, кряшены, нагайбаки). Но не только они. В стране насчитывалось 712,4 тыс. башкир. Из них 328,0 тыс. (46 %) назвали родными прочие языки, т. е. не своей национальности [там же, с. 34, 35, 114]. Не сложно предположить, что, прежде всего, это был татарский язык. На нем, в частности в Башкирской АССР, говорили 902,1 тыс. проживавших там татар, башкир и граждан других национальностей [2, с. 114; 11, с. 34].

В стране были также популярны греческий (на нем говорили в качестве родного 70,1 тыс. чел.), еврейский – идиш (285,1), финский (153,2), карельский (239,5), эстонский (136,4), зырянский (220,4), пермский (143,8), вотяцкий, удмуртский (508,6), марийский (425,5), мордовский (1262,6), чувашский (1102,2), калмыцкий (130,9), корейский (170,5 тыс.) и др. [11, с. 112–114, 116, 118].

Количество представителей того или иного этноса никогда не совпадало с количеством носителей данного языка, которые называли его в качестве родного. Так, например, чувашей по Переписи 1926 г. насчитывалось 1114,8 тыс., носителей языка – 1102,2 тыс.; эстонцев (эстов) – 150,4 тыс., носителей языка – 136,4 тыс. и т. д. [11, с. 34–40, 109–121]. Эта ситуация объяснима. Многие представители народов называли родным язык не своей национальности (русский, татарский, армянский, украинский и др.).

В Переписи в качестве самостоятельных были представлены два родственных этноса – зыряне (коми-зыряне) и пермяки (коми-пермяки). Их насчитывалось соответственно 226,3 и 149,4 тыс. чел. [4, с. 34]. Оба народа говорят на близких языках, исповедуют православие, имеют много общего в культуре, хозяйственной жизни, обычаях. Начиная со Всесоюзной переписи населения 1939 г. коми-зыряне и коми-пермяки учитывались как один этнос «коми» [1, с. 66, 67].

Уникальным в этническом, языковом и культурном отношении был Северо-Кавказский край, существовавший в 1924–1937 гг. Здесь проживали десятки этносов, которые говорили на многочисленных языках и диалектах. Языковое многообразие этого региона имело свои отличия. К 1917 г. у многих народов не было своей письменности. В условиях распространения ислама на Северном Кавказе (X–XV вв.), многие народы, которые его приняли, пользовались арабской письменностью. В советское время национальные алфавиты были подготовлены сначала на основе латинской, а затем и русской графики. В связи с тем, что ряд «больших» северокавказских народов, как правило, имеют значительное количество этнографических и диалектно-этнографических групп, объединяющий материнский язык создать очень трудно. Например, даргинский язык, относящийся к нахско-дагестанской ветви северо-

кавказской семьи языков. Он имеет десятки диалектов, основными из которых являются: акушинский, урахинский (хюркилинский), цудахарский, кайтагский, сирхинский, муиринский, мурегинский, кадарский, кубачинский, санжинский, мугинский, амухский, мегебский, губденский и мекегинский. Кроме того, большинство аулов говорят на собственном говоре, который отличается от говоров соседей. В советское время на основе акушинского диалекта начал складываться даргинский литературный язык. Правда, его консолидирующие функции незначительны. После Переписи населения 1926 г. в состав даргинцев были включены их субэтноты – кайтаки и кубачинцы, обладающие лингвистическим своеобразием. У даргинцев сохранились субэтнические группы: акушинцы, хюркилинцы, цудахарцы, сирхинцы, муиринцы, которые говорят на своих диалектах [12, с. 290, 291; 13, с. 174].

Большое значение на Северном Кавказе имеют вторые языки, или языки межнационального общения. Прежде всего, русский язык. По Переписи 1989 г. в Дагестане представители коренных этносов – от 99 % (кумыки) до 84,1 % (ногайцы) – считали родным язык своей национальности. При этом, от 52,4 % (цахуры) до 85,8 % (горские евреи) свободно владели русским в качестве второго языка, языка межнационального общения. На нем общаются даже представители одного этноса, принадлежащие к разным диалектным группам [12, с. 18, 19, 290, 291].

Большое распространение на Северном Кавказе имели армянский, чеченский, аварский, кумыкский, в пограничных с Азербайджаном районах, азербайджанский языки.

Самым многочисленным коренным народом Северного Кавказа были чеченцы, их насчитывалось 318,4 тыс. чел. Проживали они в Чеченской автономной области (291,3 тыс.), Ауховском районе Дагестанской АССР (21,8 тыс.) и Ингушской автономной области (2,6 тыс.). Все они говорили на чеченском языке. Чеченцы-ауховцы (аккинцы) являлись субэтнотом чеченского народа и говорили на аккинском диалекте чеченского языка [4, с. 38, 72, 73, 92, 119].

Ингуши компактно проживали в Ингушской автономной области (69,9 тыс.) и г. Владикавказе (1,5 тыс.). Всего в РСФСР – 72,1 тыс. чел. Небольшая их часть (2,0 тыс.) проживала в Закавказье. Ингуши говорили на ингушском языке [там же, с. 38].

Чеченцы, ингуши, бацбийцы и кистины составляют единую этническую общность «вайнахи» и составляют нахскую подгруппу нахско-дагестанской языковой группы [2, с. 92; 13, с. 175].

Другая группа народов, проживавшая на Северном Кавказе, – адыгейцы (адыги), кабардинцы, черкесы, абазинцы (бескесек-абаза) и абхазы – составляют абхазско-адыгскую языковую группу. Черкесы и кабардинцы говорят на одном, кабардино-черкесском, языке, адыги – на адыгейском, который очень близок к кабардино-черкесскому языку, но является самостоятельным [4, с. 248].

Черкесы, адыги, кабардинцы являются единой этнической общностью, разделенной исторически и территориально. Они имеют общее самоназвание «адыгэ», го-

ворят на родственных языках, близки по национальному самосознанию, культуре, обычаям, хозяйственной жизни, исповедуют ислам суннитского толка. Все народы имеют общие исторические корни, единый этногенез [1, с. 92–95, 118].

В Переписи населения 1926 г. под единым этнонимом «черкесы» были объединены собственно черкесы и адыги. Их насчитывалось 65,1 тыс. чел. Кабардинцев – 139,9 тыс., абазинцев – 13,8 тыс. чел. Все они проживали в Северо-Кавказском крае: Адыгейско-Черкесской, Черкесской, Карачаевской, Кабардино-Балкарской автономных областях, округах края. На черкесском (кабардино-черкесском) и адыгейском языках говорили 219,2 тыс. чел. [4, с. 36, 118, 119]. Адыгов в качестве самостоятельного этноса стали выделять начиная со Всесоюзной переписи населения 1959 г.

На Северном Кавказе проживают несколько народов, относящихся к тюркской языковой группе. Это балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы и туркмены. Кумыки (94,5 тыс.) и ногайцы (36,2 тыс.) проживали, в основном, в Дагестане. Балкарцы (33,3 тыс.), карачаевцы (55,1 тыс.) проживали в Северо-Кавказском крае. Из 18,0 тыс. туркмен, в Ставропольском округе края проживало 4,0 тыс. чел. [там же, с. 34, 38, 72]. На кумыкском языке в качестве родного говорили 94,8 тыс., карачаевском – 55,3 тыс., балкарском 33,3 тыс., ногайском – 35,5 тыс., из них в Дагестане – 25,9 тыс., Северо-Кавказском крае – 9,3 тыс. [там же, с. 115–120]. Диалект ставропольских туркмен традиционно называли трухменским языком. Он вошел в Словарь языков для разработки материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. На этом диалекте говорили 4,6 тыс. чел. [1, с. 110, 111, 120; 2, с. 121].

Из крупных народов отметим также осетин. Их насчитывалось 157,3 тыс. чел. Они компактно проживали в Северо-Осетинской автономной области Северо-Кавказского края. На осетинском языке говорило 155,8 тыс. чел. [2, с. 38, 73, 120].

Даже на фоне такого этнического и языкового разнообразия, Дагестанская АССР выделялась своим уникальным представительством народов, проживавших на одной территории, в составе одной национальной автономии. С учетом коренных этносов и субэтнических групп (горцы), а также других народов (русские, чеченцы, ингуши, горские евреи, армяне, украинцы, татары и др.) в республике насчитывалось около 50 национальностей. Самыми крупными из коренных народов являлись: авары (аварцы) – 139,7 тыс. чел., даргинцы – 108,9, кумыки – 94,5, лезги (лезгины) – 93,0, лаки (лакцы) – 40,2, ногайцы – 26,1 (всего в России насчитывалось 36,3 тыс.), табасараны – 31,9, кайтаки – 14,4, рутулы (рутульцы) – 10,3 тыс. [2, с. 34, 38, 74]. Их языки, культура, обычаи определяли лицо республики, ее своеобразие и уникальность.

Самым многочисленным народом Дагестана являлись и остаются аварцы. Их насчитывалось 139,7 тыс. чел. [2, с. 38]. Аварский язык стал объединяющим не только для аварцев, но и для родственных андийских и цезских народов. Последние в Переписи 1926 г. были учтены как самостоятельные этносы. В последующие годы они были

включены в состав аварцев-андийские народы: андийцы (андии), ботлихцы, годоберинцы, кванадинцы (багулалы), ахвахцы, чамалалы, каратинцы (каратаи), тиндалы (тинди); цезские народы: цезы (дидои, дидойцы), хваршинцы, гунзебцы (хунзалы), бештинцы (капучины), чинухцы. Последние в Переписи 1926 г. выделены не были. В состав аварцев включили также арчинцев, относящихся к лезгинской ветви. Всего андо-цезских народов насчитывалось около 38 тыс. чел. [2, с. 38; 13, с. 174].

Каждый из этносов имел свой язык. Отсутствуют данные о языках малочисленных гунзебцев (105 чел.) и не включенных в материалы Переписи гинухцев [2, с. 119, 120].

Большое значение для этносов и субэтносов Дагестана имели лезгинский, лакский и кумыкский языки. Последний является одним их литературных языков республики. На аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском (в Переписи – кюринский) и лакском языках говорило около 500 тыс. чел., или 60,37 % жителей [там же, с. 11, 119, 120].

За прошедшие 100 лет все крупные народы Дагестана увеличили свою численность, демонстрируя высокие темпы рождаемости. Количество лезгин по Переписи 2010 г. увеличилось в 5 раз, даргинцев – в 5,5, аварцев – в 6,5 раз [1, с. 179]. «Малые» этносы и субэтносы, проживающие в республике, и «исчезавшие» из советских Переписей населения, в большинстве своем сохранились и сегодня учитываются, как и много лет назад, в качестве самостоятельных народов. Они имеют возможность возрождать и изучать свой родной язык, историю, культуру, традиции и обычаи.

Уникальным полиэтническим, мультикультурным, многоязычным регионом был ареал проживания коренных малочисленных народов Севера. Под этим термином понимают «малые» этносы, проживавшие на Севере европейской части СССР, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке. В материалах Всесоюзной переписи населения 1939 г. упоминаются 26 малочисленных народов Севера [4, с. 247; 14, с. 55]. В середине 1920-х гг. их было больше. Значительная их часть проживала в Сибирском крае и Уральской области. В Переписи населения 1926 г. были указаны: вогулы (манси), проживавшие в Уральской области (УО), их насчитывалось 5,7 тыс. чел., и говорившие на вогульском языке; остяки (ханты), проживавшие в УО и Сибирском крае (СК), их насчитывалось 22,3 тыс., и говорившие на остяцком языке; остяко-самоеды (селькупы), проживавшие в СК, их насчитывалось 1,6 тыс., и говорившие на селькупском языке, не упомянутом в Переписи 1926 г.; самоеды (ненцы), проживавшие в УО и СК, их насчитывалось 15,4 тыс., и говорившие на самоедском (ненецком) языке; юраки (этнографическая группа ненцев), проживавшие в СК и УО, их насчитывалось 2,1 тыс., и говорившие на диалекте ненецкого языка. Юракский язык упомянут в материалах Переписи 1926 г., но сведения о его носителях отсутствуют; карагас (тофалары), проживавшие в СК, их насчитывалось 2,8 тыс., и говорившие на карагасском (тофаларском) языке. Носителей языка было в три раза меньше,

чем представителей этноса; долганы (близки к якутам), проживавшие в СК, их насчитывалось 656 чел., и говорившие на диалекте якутского языка; тунгусы (эвенки), проживали в СК, Якутии и Дальневосточном крае (ДВК), их насчитывалось 37,5 тыс., и говорившие на тунгусском (эвенкийском) языке. Среди них были распространены якутский и бурятский языки; енисейцы (кеты), проживавшие в СК, их насчитывалось 1,4 тыс., и говорившие на кетском (енисейско-остяцком) языке; юагиры (омоки), проживавшие в Якутии, их насчитывалось 443 чел., и говорившие на юагирском языке. Всего 11 этносов, проживавших в Сибирском крае, Уральской области и Якутской АССР [2, с. 36, 116–118]. Также в Сибири проживали другие «малые» этносы, не отнесенные к народам Севера. Это алтайцы и их субэтнические группы: черневые татары (тубалары), телеуты, теленгеты, кумандинцы, челканцы (лебединцы), алтай-кижи, телесы, говорившие на алтайском языке и его диалектах, а также близкие к ним шорцы, говорившие на шорском языке. Часть субэтнических групп алтайцев, делившихся на северных и южных, были выделены в Переписи 1926 г. как самостоятельные этносы [1, с. 76–79].

Другая большая группа малочисленных коренных народов проживала на Дальнем Востоке (Дальневосточный край). К ним по Переписи 1926 г. были отнесены: ламуты (эвены), проживавшие в ДВК и Якутии, их насчитывалось 2,0 тыс., и говорившие на ламутском (эвенском) языке; орочены (ороки, ульта), проживавшие в ДВК и Якутии, их насчитывалось 1,2 тыс., и говорившие на бесписьменном орокском языке; гольды (нанайцы), проживавшие в ДВК, их насчитывалось 5,3 тыс., и говорившие на гольдском (нанайском) языке; ольчи (ульчи), проживавшие в ДВК, их насчитывалось 723 чел., и говорившие на ольчском (ульчском) языке; негидальцы, проживавшие в ДВК, их насчитывалось 683 чел., и говорившие на негидальском языке; орочи, проживавшие в ДВК, их насчитывалось 646 чел., и говорившие на орочском языке. Говоривших на орочском языке было значительно больше, чем представителей этого этноса; удехе (удэгейцы), проживавшие в ДВК, их насчитывалось 1,3 тыс., и говорившие на бесписьменном удэгейском языке. В материалах Переписи 1926 г. данные о языке отсутствуют; ороки (этнографическая группа ороченов), проживавшие в ДВК (Сахалинская область), их насчитывалось 162 чел., и говоривших на орокском языке; манегры (субэтническая группа эвенков), проживавшие в ДВК, их насчитывалось 59 чел., и говоривших на диалекте эвенкийского (тунгусского) языка; самогиры (саманде), субэтническая группа нанайцев (гольд), проживавшие в ДВК, их насчитывалось 551 чел., и говоривших на диалекте нанайского (гольдского) языка; чукчи, прожившие в ДНК и Якутии, их насчитывалось 12,3 тыс., и говоривших на чукотском языке; коряки, проживавшие в ДВК, их насчитывалось 7,4 тыс., и говорившие на корякском (коряцком) языке. В состав коряков Перепись населения 1939 г. включала кереков и алюторцев, данные о языке которых не выявлены; камчадалы (ительмены), проживавшие в ДВК (полуостров Камчатка), их насчитывалось 4,2 тыс., и го-

воривших на ительменском и русских языках. Камчадалы как этнос сформировался на основе слияния коренных жителей – ительменов и русских переселенцев. Поэтому большинство жителей говорило на русском языке; гиляки (нивхи), проживавшие в ДВК, их насчитывалось 4,0 тыс., и говоривших на гиляцком (нивхском) языке; чуванцы (этель), проживавшие в ДВК, их насчитывалось 704 чел., и говоривших на чуванском языке; алеуты (алауты), проживавшие в ДВК (Командорские и Алеутские острова), их насчитывалось 353 чел., и говоривших на алеутском языке; эскимосы, проживавшие в ДВК (побережье Чукотки и на острове Врангеля), их насчитывалось 1,3 тыс., говоривших на эскимосском языке [2, с. 36, 117–118]. Всего – 19 этносов, проживавших в Дальневосточном крае.

На Севере европейской части СССР проживали лопари (саамы), их насчитывалось 1,7 тыс., говоривших на лопарском (саамском) языке; а также частично ненцы (самоеды), о которых говорилось выше.

К малочисленным народам Севера также относятся тазы, энцы, нганасаны и др. Всего более 30 этносов. «Малые» народы проживали также на Северном Кавказе, прежде всего в Дагестане, и других регионах.

Не все из них сохранились. Слишком большие испытания выпали на долю малочисленных народов в XX в. Многие были ассимилированы «большими» этносами. Пострадали языки, культура, национальное самосознание, традиции малочисленных народов. Поглощение одного народа другим привело к утрате национальных языков. Их место заняли языки межнационального общения, прежде всего, русский язык. Сегодня в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ (с изменениями на 18 декабря 2021 г.) внесено 47 этносов, проживающих на Дальнем Востоке, Сибири, Якутии, Бурятии, Карелии, Ленинградской области, Северном Кавказе и других регионах [8, с. 36, 172–176]. Им оказывается государственная помощь, в том числе в области возрождения и изучения родных языков.

В 1920-е гг. широкое распространение имели бурятский и якутский языки. На них говорили около 500 тыс. чел. в Бурято-Монгольской и Якутской АССР, Сибирском и Дальневосточном краях и других регионах [2, с. 116, 117].

Родной язык («язык колыбели», «язык матери») является, наряду с национальным самосознанием, важнейшим признаком принадлежности к тому или иному этносу. В 1920-е гг. активно шли процессы ассимиляции и этнической интеграции, что приводило к сокращению национальных языков. Их было на 40 меньше, чем народов.

Некоторые существовали на бумаге, некоторые насчитывали несколько сот носителей языка (карагасский, ольчский, негидальский, ительменский, юкагирский, алеутский и др.). Сегодня языки ряда «малых» народов (чуванский, алеутский, убыхский и др.) полностью утрачены.

В 1920-е гг. росло значение языков межнационального общения. Русский, татарский, армянский, азербайд-

жанский, чеченский, аварский, кумыкский имели важное значение для межнационального общения, культурного обмена и торгово-экономических отношений. Приоритетное значение имел русский язык. Около 7 млн представителей других этносов СССР в конце 1930-х гг. считали русский язык своим родным языком. Большинство населения страны свободно владело русским в качестве второго языка. Значительное количество субъектов РСФСР были полиэтничными и многоязычными. Многие языки (если не большинство) имели диалекты, наречия, говоры. Иногда их насчитывалось несколько десятков. В этих условиях (например, в Дагестане) было необходимо знать русский язык для общения даже с представителем своего этноса, принадлежащего к другой, значительно отличающейся диалектной группе. Вместе с родным языком умирает или возрождается этнос. Вот почему так важно сохранять и развивать национальные языки. Сегодня в России созданы условия для возрождения, изучения и развития материнских языков. Даже малочисленные народы имеют возможность изучать родные языки, самобытную культуру, историю, обычаи, исповедывать традиционную религию. Великий Русский язык был и остается языком межнационального общения, консолидирующим началом российской государственности, на котором говорят не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Сегодня его изучают более чем в 60 странах мира и говорят 255 млн чел.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Кропачев, С. А. Этническая карта России в 1920-е годы. Историко-демографическое исследование / С. А. Кропачев. – М.: Кучково поле, 2024. – 192 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: Издание ЦСУ СССР, 1929. – 228 с.
3. Прудовский, С. Б. Была такая «нация» – харбинцы. Харбинская операция НКВД в документах / С. Б. Прудовский. – СПб.: Алетейя, 2022. – 730 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
5. Борисенок, Е. Ю. Феномен советской украинизации, 1920-1930-е годы / Е. Ю. Борисенок. – М.: Европа, 2006. – 256 с.
6. Васильев, И. Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917-1932 гг. / И. Ю. Васильев. – Краснодар: [б. и.], 2010. – 75 с.
7. Кропачев, С. А. Национальные ресурсы России накануне Великой Отечественной войны / С. А. Кропачев // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей. Вып. 2. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. – С. 326–332.

8. Кропачев, С. А. Эволюция моделей демографического поведения этносов России в 1930-е годы / С. А. Кропачев // Русская старина. – 2020. – № 11 (2). – С 109–128.
9. Круглов, В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты / В. Н. Круглов. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 480 с.
10. Татары / отв. ред.: Г. Ф. Габдрахманова, В. В. Трепавлов, Р. К. Уразманова. 2-е изд., доп., перераб. – М.: Наука, 2017. – 799 с.
11. Татары в переписях населения / А. С. Бушкев, Г. Ф. Габдрахманова, И. К. Загидуллин [и др.]. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. – 76 с.
12. Народы Дагестана / отв. ред.: С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. – М.: Наука, 2024. – 591 с.
13. Поляков, Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. – М.: Наука, 1986. – 272 с.
14. Араловец, Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. / Н. А. Араловец. – Тула: Гриф и К, 2009. – 304 с.

References

1. Kropachev, S. A. Etnicheskaya karta Rossii v 1920-e gody. Istoriko-demograficheskoe issledovanie [The ethnic map of Russia in the 1920s. Historical and demographic research] / S. A. Kropachev. – Moscow: Kuchkovo pole, 2024. – 192 p.
2. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. T. IX. Rossiiskaya Sovetskaya Federativnaya Socialisticheskaya Respublika. Narodnost'. Rodnoi yazyk. Vozrast. Gramotnost'. [The All-Union population Census of 1926, Vol. IX. Russian Soviet Federative Socialist Republic. Nationality. Native language. Age. Literacy]. – Moscow: Publication of the Central Statistical Office under the Council of Ministers of the USSR, 1929. – 228 p.
3. Prudovsky, S. B. Byla takaya naciya – kharbinsy. Kharbinskaya operaciya NKVD v dokumentah [There was such a “nation” – Kharbin people. The Kharbin operation of the NKVD (People’s Commissariat of Internal Affairs) in documents] / S. B. Prudovsky. – St. Petersburg: Aleteya, 2022. – 730 p.
4. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: Osnovnie itogi [The All-Union population census of 1939: The main results]. – Moscow: Nauka, 1992. – 256 p.
5. Borisenok, E.Yu. Fenomen sovetskoj ukrainizacii, 1920–1930-e gody [The phenomenon of Soviet Ukrainization, 1920–1930s] / E. Yu. Borisenok. – Moscow: Europa, 2006. – 256 p.
6. Vasilyev, I. Yu. Ukrainское nacionalnoe dvizhenie i ukrainizaciya na Kubani v 1917–1932 gg. [The Ukrainian national movement and Ukrainization in the Kuban in 1917–1932] / I. Yu. Vasilyev. – Krasnodar: 2010. – 75 p.
7. Kropachev, S. A. Nacionalnie resury Rossii nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny [National resources of Russia on the eve of the Great Patriotic War] / S. A. Kropachev // The Great Patriotic War of 1941–1945 in the destinies of peoples and regions: collection of papers. – Issue 2. Kazan: Sh. Mardzani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. – P. 326–332.
8. Kropachev, S. A. Evolutsiya modelei demograficheskogo povedeniya etnosov Rossii v 1930-e gody [Evolution of models of demographic behavior of ethnic groups of Russia in the 1930s] / S. A. Kropachev // Russian Antiquity. – 2020. – No. 11 (2). – P. 109–128.
9. Kruglov, V. N. Orgnizaciya territorii Rossii v 1917–2007 gg.: idei, poraktika, rezultaty [Organization of the territory of Russia in 1917–2007: ideas, practice, results] / V. N. Kruglov. – Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2020. – 480 p.
10. Tatary [The Tatars] / Eds. G. F. Gabdrakhmanova, V. V. Trepavlov, R. K. Urazmanova. 2nd edition, revised and updated. – Moscow: Nauka, 2017. – 799 p.
11. Tatary v perepisyah naselniya [The Tatars in population censuses] / A. S. Bushkev, G. F. Gabdrakhmanova, I. K. Zagidullin [et al.]. – Kazan: Sh. Mardzani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. – 76 p.
12. Narody Dagestasna [Peoples of Dagestan] / Eds. S. A. Arutyunov, A. I. Osmanov, G. A. Sergeeva. – Moscow: Nauka, 2024. – 591 p.
13. Polyakov, Yu. A. Sovetskaya strana posle okonchaniya grazhdanskoi voiny: territoriya i naselenie [The Soviet country after the end of the Civil War: territory and population] / Yu. A. Polyakov. – Moscow: Nauka, 1986. – 272 p.
14. Aralovets, N. A. Gorodskaya semya v Rossii, 1927 [Urban family in Russia, 1927–1959] / N. A. Aralovets. – Tula: Grif&Co, 2009. – 304 p.

Информация об авторе:

Кропачев Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Scopus Autor ID:38261839200, <http://orcid.org/0000-0002-2655-4779> (117036, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; e-mail: rektor@eipk.info).

Author:

Sergey A. Kropachev – Dr. Sci. (History), Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Scopus Autor ID:38261839200, <http://orcid.org/0000-0002-2655-4779> (19, Dm. Ulyanova st., Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: rektor@eipk.info).

Для цитирования:

Кропачев, С. А. Родные языки и языки межнационального общения в России 1920-х годов (по Всесоюзной переписи населения 1926 года) / С. А. Кропачев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2025. – № 9 (85). – С. 36–44.

For citation:

Kropachev, S. A. Native languages and languages of interethnic communication in Russia in the 1920s (according to the All-Union Population Census of 1926) / S. A. Kropachev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical Demography». – 2025. – 9 (85). – P. 36–44.

Дата поступления статьи: 26.09.2025

Прошла рецензирование: 11.10.2025

Принято решение о публикации: 13.10.2025

Received: 26.09.2025

Reviewed: 11.10.2025

Accepted: 13.10.2025